

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О.Н. Шевцова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Смысловая нагрузка лексем и семантическая направленность русских исторических текстов конца XVIII – начала XIX веков

Аннотация: Анализируется семантическое наполнение некоторых русских исторических текстов конца XVIII – начала XIX вв., относящихся к истории присоединения Новгорода к Московскому государству при Иване III, которое основывается на выявлении смыслов вербального материала. Делается вывод об обращении текстов к разным референтным группам читателей, которые благодаря употреблению в них определенных лексем и вербальных конструкций могли узнать близкие их сознанию и культуре идеи.

The semantic filling of some Russian historical texts of the end of XVIII – beginning of XIX century appurtenant to history of annexation of Novgorod to Muscovy state in Ivan III time, which based on the revelation of senses of verbal material is analyzing in the article. The conclusion about address of texts to the different reference groups of readers, which could know similar to their mind and culture ideas thanks to the using in them specified lexemes and verbal structures is making.

Ключевые слова: семантическая нагрузка, референтная группа, лексема, вербальная конструкция, славянизмы, общественно-политическая лексика.

Semantic load, reference group, lexeme, verbal structure, Slavonicism, social and political vocabulary.

УДК: 82.

Контактная информация: Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 150. ЮФУ, филологический факультет. Тел. (863) 2643160. E-mail: oksana_shevtsova@bk.ru.

В условиях методологического кризиса, который переживает историческая наука на рубеже XX–XXI вв., интерес к разным сторонам методологии истории как научной дисциплины значительно усилился. Одной из его сторон является проблема смыслового наполнения исторических текстов, что позволяет историку в наиболее полной и ясной форме добиться репрезентации своих мыслей и собственной концепции исторического процесса. Вместе с тем, исследование этих вопросов значительно сближает методологию исторического познания с филологическим исследованием. Такое сближение строится на глубоком осознании современной исторической мыслью и современными филологами принципиального единства филологических и исторических наук не только в контексте гуманитарного направления научного познания, но и в рамках построения собственного знания в форме литературного текста, который может быть сформирован в научной или в беллетристической форме. Однако проблема филологической нагрузки методологии истории является одной из наименее исследованных ее сторон. Это может объясняться сложностью решения подобной проблематики для историков, для которых характерно стремление к отнесению «лингвистических» вопросов исторического исследования к проблематике филологических наук. Это, с одной стороны, не вызывает сомнения. Вместе с тем, поскольку решение этих вопросов имеет принципиальную важность для исторической науки и при исследовании их

используются исторические тексты, то данная проблематика в полной мере может быть отнесена к кругу междисциплинарных проблем на стыке исторических и филологических дисциплин, направленных, в конечном счете, на понимание человека, общества и культуры.

Между тем, в отечественной гуманитаристике имеется мощная традиция изучения смыслового наполнения текстов разных произведений. Еще в шестидесятых годах прошлого века сложилась Московско-тартуская школа [Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа, 1994]. В центре ее внимания находились вопросы семиотики, решение которых позволяло понять смыслы, которые вкладывали авторы в текст. А поскольку историческое познание имеет дело, прежде всего, с речевыми знаковыми системами, то семиотика в данном случае нашла выражение в семантике, представляющей собой раздел языкознания, изучающий значение слов и выражений [Апресян, 1995, с. 56]. Сформировавшись на рубеже XIX–XX вв. в качестве семасиологии, она первоначально была направлена на вскрытие смыслов, заключенных в отдельных словах. Однако определенные тенденции в развитии культуры XX в., связанные с формированием взгляда на гуманитарное познание как на понимание заложенных в изучаемом тексте всего многообразия заключенных в нем смыслов, способствовали расширению представления об объекте семантического исследования. В результате стал происходить переход от семасиологии, направленной на изучение смысла отдельных слов, к самой семантике, для которой характерно стремление к пониманию текста в целом через понимание не только лексических единиц, но и целостных выражений. Другой тенденцией, отчетливо проявившейся в культуре прошлого столетия, стало представление о значении субъективного начала и личностного восприятия окружающего мира. Наиболее последовательным и концентрированным выражением данной позиции стала примерно с последней четверти XX в. культура постмодернизма. Вскрытие смысловых значений текста в ней было поставлено в центр исследования и стало одним из наиболее значимых достижений исследовательской методологии в гуманитарных дисциплинах, сложившихся на базе этой культуры. В этой связи современный филолог ставил вопрос о возможности понимания лексических единиц русского языка в качестве ключа к пониманию культуры [Шмелев, 2002, с. 295]. Стремление к вскрытию смысловых значений текстов привело к постановке вопроса о том, на какую социокультурную группу он был рассчитан. Такая группа получила наименование референтной группы, культура которой имела свои особенности. Это позволяло понять место текста и его автора как социокультурной и языковой личности в окружающем мире и значение созданного им текста как феномена культуры.

Вместе с тем референтная группа, на понимание которой были рассчитаны разные содержащиеся в тексте смыслы, могла быть не одна. Их могло быть несколько, что зависело от конкретных условий, от особенностей культурно-исторической ситуации в данном обществе. Если принимать во внимание российскую культуру рубежа XVIII–XIX вв., то в ней могут быть выделены разные референтные группы, на восприятие которых рассчитывался данный исторический текст. К таким группам в тот период истории развития российского общества и российской культуры могут быть, во-первых, отнесены все грамотные слои и группы населения, для которых было характерно в то время значительное усиление интереса к истории, прежде всего к отечественной истории. Во-вторых, это слои, имевшие определенную политическую ориентацию и, в соответствии с ней, разные взгляды на события и явления отечественного прошлого. Наконец, могут существовать и другие референтные группы, которые складывались в зависимости от других обстоятельств, например, от интересов каких-то региональных социокультурных слоев населения, и от их отношения к истории России и к местной истории. В данном случае слова и выражения, которое употребляли в своих письменных текстах авторы сочинений на историческую тему, выполненных в разных

жанрах, были рассчитаны на понимание этих групп, которые благодаря употреблению определенных лексем и вербальных конструкций узнавали близких к себе по духу людей и родственные их сознанию и культуре идеи. И, напротив, благодаря определенным словам и выражениям представители этой группы могли узнавать выражение мнения, не соответствующего их собственным взглядам на историю.

Особенно проявлялась это при освещении таких вопросов российской истории, которые вызвали особый общественный интерес и по поводу которых высказывались нередко различные, порой взаимоисключающие точки зрения. Одной из таких важных исторических тем является присоединение Новгорода к Московскому государству, которое происходило в 1471 – 1478 гг. при Иване III. С одной стороны, позитивное отношение к этому присоединению в русской общественно-исторической мысли выражалось в том, что это был существенный этап на пути объединения русских земель. С другой стороны, стремление Новгорода к борьбе за свою свободу и независимость не могла не вызывать симпатий в определенных сегментах российского общественного мнения, интересовавшегося историческими альтернативами самодержавной власти. Оба отношения к событиям присутствовали в трудах историков и в произведениях литературы. Один из историков, входивших в состав кружка А.И. Мусина-Пушкина, И.П. Елагин, в своем большом и неопубликованном труде по истории России уделил этим событиям довольно значительное внимание. Произведение написано на высоком литературном уровне, что не случайно для времени, когда научный исторический дискурс был еще в стадии формирования и не в полной мере отделился от художественного восприятия прошлого. В соответствии с этим, история присоединения Новгорода при Иване III проявилась у Елагина в литературном сюжете с яркими литературными образами. В данном сюжете Елагин в качестве центрального образа сформировал вдову новгородского посадника Исаака Борецкого Марфу, или Марфу Посадницу, которая была известна своей решительной борьбой за новгородскую независимость.

Созданный Елагиным образ Посадницы получился сложным и неоднозначным. Давая ей общую характеристику, историк отмечал: «Марфа была жена горделивая, республиканка совершенная, хитрая, предприимчивая» [Елагин, л. 229]. Фраза проста только на первый взгляд. Некоторые негативные черты выражены экспрессивными авторскими эпитетами, такими, как «горделивая», «хитрая», отчасти – «предприимчивая». В одном ряду с ними подана другая оценка, состоящая из распространенного определения – «республиканка совершенная». Создается впечатление, что оно существенно дополняло созданный эпитетами негативный ряд. Но у Елагина оказывалось так, что данное определение имело свою коннотацию и допускало несколько иное толкование. Ниже Елагин подтвердил это, разведя смыслы слов, относившихся к личным качествам Марфы, с характеристикой ее в качестве сторонницы республиканского устройства Новгорода. Если бы, по его словам, «толь великаго духа жена, единого токмо к отечеству любовию, и единым токмо подвигом природная ей и согражданам ея свободы, к сему дерзкому предприятию была подвизаема, то при неудачном бы онаго исполнении, не только извинена быть могла, но и осталась бы навсегда мужеобразною в потомстве героинею». Однако все действия Марфы в борьбе за вольность Новгорода объяснялись, считал Елагин, иным. «Страсть любовная, едва ли не всегдашняя женских предприятий виновница, была главною и Марфиной не устранимой предприимчивости причиною», – подчеркивал он и указывал на ее чувства к литовскому князю Михаилу Олельковичу. В результате раздел исторического труда Елагина, посвященный присоединению Новгорода, строился в соответствии со структурой романа, в котором исторические события составляли фон к изображению чувств и личных качеств героев, а сама Марфа превращалась в яркий художественный образ. Вместе с тем текст Елагина содержал еще одно послание для

«посвященных». Сами действия Марфы по защите Новгорода до того, как она стала предпринимать попытки сближения с литовским князем, он оценивал таким образом: «Похвальное в смелом начале ее действие не славу, ниже пользу отечеству», поскольку начало ее деятельности историк определял как стремление отстоять самостоятельность Новгорода и его республиканское устройство. Получалось так, что у автора, несомненного монархиста, слово «республиканка» применительно к Марфе не несло в себе негативной коннотации. Это замечал В.П. Козлов, указывавший, что при всем своем монархизме «Елагин – отнюдь не противник и республиканской формы правления» [Козлов, 1999, с. 60]. Довести же до конца свое «действие» на «пользу отечеству» Марфа, однако, не смогла из-за чувства к литовскому князю, ради которого она готова была «отечеством, предав его под покровительство польское, жертвовать» [Елагин, л. 231–232]. Елагиным был намечен сюжет трагедии в стиле классицизма, который выстраивался на противопоставлении долга и чувства, общественнозначимого и личного.

Художественное развитие сюжета было дано Н.М. Карамзиным в повести «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода». Общее исследование основных черт и особенностей языка этой исторической повести было проведено Л.Л. Кутиной. Ею было справедливо обращено внимание на политический смысл повести в условиях, когда в общественной мысли России возникал вопрос о преимуществах для России самодержавного или республиканского строя. По обоснованному мнению автора, к числу важных смыслообразующих особенностей повести относятся такие, как ораторская речь, значительная роль славянизмов и «общественно-политическая лексика и тесно связанные с ней обозначения нравственно-этического плана (гражданские добродетели и пороки)» [Кутина, 1994, с. 64, 68, 70, 73]. Повесть была написана несколько позже, чем труд И.П. Елагина, уже после того, как в революционной Франции была установлена в 1793–1794 гг. якобинская диктатура. В этой связи для Карамзина, в отличие от Елагина, было необходимо подыскивать дополнительную аргументацию для обоснования своего достаточно позитивного отношения к республике в Новгороде, поскольку вся политика якобинской диктатуры совершалась под знаменами республики, противопоставившей себя самовластью и абсолютизму. Карамзин не только нашел такие доводы, но и весьма сильную вербальную артикуляцию для них, которая давала возможность без излишней и антиисторической по своему характеру критики воспринимать республиканское прошлое Новгорода даже убежденным монархистам. Но, будучи сам монархистом, Карамзин обладал глубоким историзмом мышления и сумел увидеть связь между формой государственной власти в Новгороде и историческими традициями города. Кроме того, следует, как представляется, учитывать, что политические взгляды Карамзина были весьма не просты. Как справедливо отмечал Ю.М. Лотман, «приверженец монархического правления, Карамзин многократно повторял, что в идеале предпочитает республику» [Лотман, 1992, с. 196]. Для этого он применил сложный литературный прием, когда свои мысли по поводу необходимости объективного подхода к истории падения новгородской независимости и к жизни Марфы Посадницы он передавал через анонимного издателя. Этот издатель будто бы говорил: «сопротивление новгородцев не есть бунт каких-нибудь якобинцев: они сражались за древние свои уставы и права, данные им отчасти самими великими князьями, например Ярославом, утвердителем их вольности» [Карамзин, 1984, с. 543]. Вместе с тем, возникает вопрос: к какой референтной группе обращался Карамзин, приводя речь издателя, или на кого была рассчитана его повесть вообще? Конечно, с одной стороны, это был грамотный соотечественник вообще, интересовавшийся российской историей. Но, в то же время, это была и более узкая группа, которая была близка к власти и которая не могла не смотреть с беспокойством на распространение в Европе республиканских идей и республиканских симпатий. На нее были рассчитаны некоторые лексемы и словосочетания, имевшие особую смысловую на-

грузку. Наиболее яркая из них – оборот: «не есть бунт каких-нибудь якобинцев». В этом обороте сочетание лексем «бунт ... якобинцев» концентрировал в себе все самое негативное, что было в отношении монархистов к событиям современности. Это сочетание было очень ярким, заметным и семантическим. Оно не могло не привлечь к себе внимания всякого читателя, поскольку о Великой Французской буржуазной революции и о якобинцах в России было достаточно хорошо известно. Заявляя так, Карамзин с помощью своего героя повести – редактора – утверждал, что тема республиканского прошлого Новгорода не означает сочувствия республиканским порядкам революционной Франции и может рассматриваться в русской литературе в контексте тематики отечественного прошлого. В этом состояло своего рода авторское послание консерваторам, которые позже, уже по мере выхода в свет главного труда Карамзина – «Истории государства Российского» – вели по отношению к нему, по словам исследователя его творчества, видного историка Н.Я. Эйдельмана, «критику справа» [Эйдельман, 1983, с. 125]. Но в словах издателя, приводившихся Карамзиным, имеется еще один смысловой сигнал, который не мог остаться без внимания читателя: «они сражались за древние свои уставы и права». Это был сигнал не только тем, кто сочувствовал республиканской идее и интересовался историей падения республиканского строя в Новгороде, но и консерваторам и монархистам. Оказывается, что борьба новгородцев за сохранение своих порядков, которые признавались в историографии как республиканские, принципиально отличались от борьбы за республику якобинцев. В отличие от якобинцев, новгородцы не свергали монархию, не устанавливали новый политический порядок, но стояли за старину. Это был сигнал не только политическим консерваторам, но и консервативным ревнителям русской культурной традиции, показывавший им, что новгородцы подавали вполне достойный исторический пример отстаивания старины. Продолжение же этой фразы содержало в себе еще один смысловой сигнал, направленный напрямую монархистам и консерваторам. Новгородцы отстаивали «уставы и права», «данные им отчасти самими великими князьями», причем Ярослав был «учредителем их вольности». В этой части выступления редактора бросалось в глаза упоминание о великих князьях и о Ярославе, которые якобы и создали новгородскую вольность. По существу, Карамзин предлагал в этой части редакторской речи глубокое и очень семантическое обоснование для признания монархистами наличия в русской истории такой республиканской традиции, которая уходила в далекое новгородское прошлое и которая ко времени создания Карамзиным повести была отчасти забыта соотечественниками.

Несколько иные характеристики давал Н.М. Карамзин политике Ивана III по присоединению Новгорода и новгородским республиканским порядкам в своем большом историческом труде «История государства Российского». Референтные группы, для которых был направлен текст, были те же самые. Но, в отличие от более ранней повести о Марфе Посаднице, в этом труде содержались иные смысловые сигналы. Они в большей степени были направлены на обоснование правомерности политики великого князя московского по присоединению Новгорода, а также в них содержались более критические мотивы по отношению к республиканским порядкам, господствовавшим в городе. Прямой критический смысл по отношению к Новгороду состоял в словах историка: «Новгород изменил России, пристав к Литве; Войско его было рассеяно, гражданство в ужасе; Великий Князь мог бы тогда покорить сию область; но мыслил, что народ, веками приученный к выгодам свободы, не отказался бы вдруг от ее прелестных мечтаний; что внутренние бунты и мятежи развлекли бы силы Государства Московского, нужные для внешней безопасности» [Карамзин, 1989, с. 61–62]. В данном сложном предложении первая же фраза исключительно семантически. В самом деле, упоминание о том, что Новгород «изменил», сразу же вызывало крайне негативное отношение к новгородцам, поскольку феномен измены содержал в себе в разных культурах

самое негативное к себе отношение, и его трудно было оправдывать историческими обстоятельствами. Идея измены новгородцев содержалась и в карамзинской повести о Марфе Посаднице, но она была в ней далеко не на первом плане произведения. Вынося мысль об измене новгородцев общерусскому делу, которое, согласно исторической концепции Карамзина, отстаивал Иван III, историк создавал соответствующий настрой читателя и соответствующее отношение его и к борьбе новгородцев за независимость и республику, и к московской объединительной политике при Иване III. Сложное предложение содержало также и другую мысль, которая шла вразрез с идеей позитивного отношения к старине и к традиции, которая заметна в повести о Марфе Посаднице. В «Истории государства Российского» Карамзин подчеркивал, что традиция могла иметь не только позитивные, но и крайне негативные последствия. Он подчеркивал, что «народ, приученный к выгодам свободы», оказывался довольно опасным для государственных интересов в целом, «для внешней безопасности» державы. Эта часть текста несла в себе прямую посылку консерваторам и монархистам, состоявшую в том, что «История» Карамзина – труд, укрепляющий устои российского абсолютизма и содержащий в себе его историческое обоснование. Тем более, подкреплялась эта мысль тем, что Карамзиным упоминались «внутренние бунты и мятежи». В условиях, когда память о таком недавнем бунте, как Пугачевское восстание, была в российском обществе очень еще живой, охранительная семантика предложения Карамзина была еще более очевидной. Еще более усиливалась она упоминанием «прелестных мечтаний» свободы. В данном сочетании смысловое ударение несло на себе прилагательное «прелестных», поскольку крайняя историческая антитеза монархии и государственности – русский бунт – была тесно связана с наличием «прелестных» документов с призывами к восстанию. О наличии «прелестных писем» было известно из истории Разинского восстания. Сравнительно же недавнее ко времени Карамзина Пугачевское восстание в качестве таких «прелестных» документов имело манифесты и указы, которые издавал «самодержавный император» Петр Федорович – Пугачев. По существу, одно это прилагательное пробуждало в исторической памяти дворянства воспоминания о бунте и подводило к мысли о том, что обращение к историческим «выгодам свободы» могло обернуться страшным народным бунтом.

Историческую тему падения независимости Новгорода затрагивал А.Н. Радищевым в главе «Новгород» своего «Путешествия из Петербурга в Москву». Референтная группа, на которую ориентировал Радищев свою оценку этого события, выделяется, однако она определяется скорее в отрицательном для автора смысле. Это были монархисты, не принимавшие республиканского строя и негативно относившиеся к борьбе новгородцев за сохранение независимого республиканского Новгорода и против стремления Ивана III к присоединению города к Московскому государству. Это были решительные идейные противники Радищева. Возможно, Радищев имел в виду и тех, кто мог разделять его сочувствие республиканской идее и не одобрял насильственных действий в отношении Новгорода со стороны великого князя московского, кто был противником самодержавного деспотизма. Поэтому в своей краткой характеристике этого события русской истории конца XV в. Радищев сосредоточил свое внимание на самом Иване III. «Уязвленный сопротивлением сея республики, сей гордый, зверский, но умный властитель, хотел ее разорить до основания. Мне зрится он с долбнею на мосту стоящ ... приносяй на жертву ярости своей, старейших и начальников Новгородских» [Радищев, 1990, с. 83].

Текст Радищева носит публицистический характер. В отличие от текста исторического труда, он не был направлен на исследование и установление реальности прошлого. В отличие же от романа или другого произведения на исторические темы, в нем нет художественных образов и сюжетов. Однако присутствует характерный для публицистики оценочный подход к прошлому, стремление четко

и недвусмысленно выразить свою точку зрения на него. В приведенном отрывке присутствует набор лексем, имеющих ярко выраженную экспрессивность и совершенно определенную семантичность. «Уязвленный», – с этого экспрессивного причастия писатель начал свою характеристику великого князя московского. Уже эта лексема сама по себе содержала глубокий смысл, объяснявший жесткость действий Ивана III против новгородцев и его готовность провести искоренение «сея республики», которой он был так уязвлен. Далее, обращают на себя внимание два эпитета Ивана III: «гордый, зверский». Носителем монархического сознания они не могли не быть отмечены, поскольку содержали крайне негативную характеристику самодержцу. Они слабо смягчались последующим эпитетом «умный», который был сам по себе слабее предыдущих и который нисколько не снимал общего негативного отношения к великому князю, выражавшегося предыдущими двумя эпитетами. Следующее предложение еще более усиливало негативное восприятие Ивана III. Оно не менее семантично, чем предыдущее, но сила его в конкретности. В нем не просто эпитеты, но указание на действия великого князя в Новгороде, который «приносяй на жертву ярости своей» правящих лиц республики.

Исторические тексты в разных своих формах, распространенные в русской культуре конца XVIII – начала XIX вв., содержали в себе ярко и остро выражавшиеся смысловые нагрузки. Они отличались большой семантической насыщенностью и были обращены к разным спектрам общественного мнения страны, к разным ее социокультурным слоям. В них исторический материал находил перекличку с современными проблемами страны, с современным состоянием русского общества. Вместе с тем исторический текст содержал в себе самые широкие возможности для осмысления сложных явлений жизни страны конца XVIII – начала XIX вв., и ввиду своей большой семантической емкости вызывал огромный интерес российского общества, в культуре которого формирование исторического сознания, рассчитанного на восприятие широкими слоями грамотного населения, переживало период своего становления.

Литература

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка.
- Елагин И.П. Опыт повествования о России / ОР РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги. F IV. 34/5.
- Карамзин Н.М. История государства Российского: В 4-х кн. М., 1989. Т. 6.
- Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода // Карамзин Н.М. Сочинения: В 2-х т. Л., 1984.
- Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999.
- Кутина Л.Л. Историческая повесть Н.М. Карамзина «Марфа посадница, или Покорение Новгорода»: Стилистические наблюдения // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII – начала XIX века. СПб., 1994. С. 58–107.
- Лотман Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т. 2.
- Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1990.
- Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983.
- Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.